

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/QTQINB>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЕМ В ЛЕТОПИСНЫХ «ДЕВИАНТНЫХ» ТЕКСТАХ

© 2025 г. О.А. Туфанова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 04 февраля 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 марта 2025 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 24-28-00091, <https://rscf.ru/project/24-28-00091/>) в ИМЛИ РАН*

Аннотация: В статье рассматривается один из ранних летописных сюжетов, в основе которых лежит конфликт восприятия ситуаций и действий, приводящий к девиантному поведению и криминальным поступкам. На примере сюжета о сборе дани у древлян князем Игорем в Повести временных лет показывается, что одной из отличительных особенностей текстов этой группы является отсутствие прямой оценки, а развиваемые или намечаемые в них сюжетные линии строятся на явных или скрытых конфликтах восприятия противоборствующими сторонами происходящего. Огромную роль в формировании данного сюжета играют речи персонажей, в большинстве случаев представляющие собой коллективные прескриптивные речевые акты с типичной невербальной реакцией персонажей, к которым они были адресованы, и перлокутивным эффектом, находящим выражение в реализации конкретными действиями словесных призывов. Сопоставление исходного сюжета с его версиями в других летописных сводах показало, что в одних случаях книжники полностью воспроизводят текст из Повести временных лет (Львовская летопись), другие, в целом сохраняя сюжетную канву, меняют значимые в историческом аспекте детали (Устюжская летопись в списке Л.С. Мациевича, Архангелогородский летописец), третьи трансформируют сюжет в краткую погодную запись (Вологодская летопись, Рогожский летописец). Наибольшей трансформации сюжет подвергся в «Степенной книге», в которой исходно герменевтическое повествование было упрощено до обычного криминального сюжета, и в этом упрощении и сюжетной трансформации не последнюю роль сыграли коллективные прескриптивные речевые акты.

Ключевые слова: «девиантный» текст, сюжет о сборе дани у древлян, князь Игорь, конфликт восприятия, прескриптивные речевые акты, сюжетные линии, трансформация сюжета, Повесть временных лет, Устюжская летопись в списке Л.С. Мациевича, «Степенная книга».

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: Туфанова О.А. Речи персонажей как сюжетообразующий прием в летописных «девиантных» текстах // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 2. С. 202–218. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 2, 2025

CHARACTERS' SPEECHES AS A PLOT-FORMING TECHNIQUE IN CHRONICLE "DEVIANT" TEXTS

© 2025, Olga A. Tufanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: February 04, 2025

Approved after reviewing: March 15, 2025

Date of publication: June 25, 2025

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS and supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00091 (<https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/>).

Abstract: The article examines one of the early chronicle plots, which is based on a conflict of perception of situations and actions, leading to deviant behavior and criminal acts. Using the example of the plot about gathering tribute from the Drevlyans by Prince Igor in the *Tale of Bygone Years*, the article shows that one of the distinctive features of the texts of this group is the absence of a direct assessment, and the plot lines developed or outlined in them are built on obvious or hidden conflicts of perception by the opposing parties of situation. The characters' speeches play a significant role in the formation of this plot. In most cases, they represent collective prescriptive speech acts with a typical non-verbal reaction of the characters to whom they were addressed, and a perlocutionary effect, which finds expression in the implementation of verbal appeals by specific actions. A comparison of the original plot with its versions in other chronicle collections shows that in some cases the scribes completely reproduce the text from the *Tale of Bygone Years (Lviv Chronicle)*, while others change historically significant details, still generally preserving the plot outline (*Ustyug Chronicle* in the copy of L.S. Matsievich, *Arkhangelsk Chronicle*), and others transform the plot into a short annual record (*Vologda Chronicle, Rogozhsky Chronicle*). The plot transforms most noticeably in the *Book of Degrees*, in which the originally hermeneutic narrative simplifies to an ordinary crime plot, common in Russian history. Collective prescriptive speech acts play a significant role in this simplification and plot transformation.

Keywords: "deviant" text, plot about gathering tribute from the Drevlyans, Prince Igor, conflict of perception, prescriptive speech acts, plot lines, plot transformation, *Tale of Bygone Years, Ustyug Chronicle* in the copy of L.S. Matsievich, *Book of Degrees*.

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

For citation: Tufanova, O.A. "Characters' Speeches as a Plot-Forming Technique in Chronicle 'Deviant' Texts." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 2, 2025, pp. 202–218. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-202-218>

Под «девиантным» текстом в летописях понимаются сюжетные и бессюжетные фрагменты, в центре внимания которых находится поступок или действия человека (группы людей), который воспринимается и оценивается книжником как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества или неординарный, экзотический, диковинный (см. подробнее: [11, с. 274–276; 12]). Для большинства таких текстов характерна трехкомпонентная сюжетная схема, основными элементами которой являются представление исходной ситуации, приведшей к отклоняющемуся поведению, собственно рассказ о поступке/ах героя или группы людей, дискурсивная или эмоциональная оценка, либо отражающая реакцию общества на содеянное, либо выражающая мнение о нем автора или редактора текста (см. подробнее: [11]). Эта схема довольно устойчиво просматривается в криминальных сюжетах и в сюжетах о девиантном поведении людей в экстремальных ситуациях. Иная картина наблюдается при анализе сюжетов, в основе которых лежит конфликт культур, а точнее, конфликт восприятия ситуаций и/или действий, приводящий к аномальному поведению и порой к криминальным поступкам.

Отличительная особенность текстов этой подгруппы состоит в том, что в них весьма часто либо вовсе отсутствует прямая оценка, либо она предстает в завуалированной форме и иногда выявляется в последующих эпизодах, никоим образом сюжетно не связанных с «девиантным» фрагментом. Огромную роль в сюжетах данной подгруппы играют речи персонажей. И это отнюдь не случайно. В.С. Савельев, на основе анализа Повести временных лет, пришел к заключению, которое можно распространить и на последующие летописные своды, — «В летописи слова руководят делами:

воспринимая и толкуя чужие слова, персонаж совершает правильные или неправильные поступки» [8, с. 132]. Продолжая мысль исследователя, отметим, что в интересующих нас сюжетах речи героев, как правило, выступают «движущим элементом» последующего «драматического действия», они определяют дальнейшие поступки исторического лица или группы исторических лиц, т. е. реплики персонажей всегда «предусматривают обратное взаимодействие» [16, с. 135]. Но это взаимодействие происходит не в рамках полноценного диалога, когда коммуникант-1 обращается к коммуниканту-2, а тот ему отвечает. В сюжетах, в основе которых лежит конфликт восприятия, чаще всего такой полноценный диалог отсутствует, его место занимает значимая для объяснения последующих событий реплика персонажа, порой принимающая характер коллективного высказывания-призыва. Тем не менее именно реплика-призыв является в «девиантных» текстах этой тематической подгруппы важнейшим сюжетообразующим приемом, при исчезновении которого сравнительно развернутое повествование, выстраивающееся в сюжет, трансформируется в погодную документальную запись, из которой исчезают элементы художественности.

Проследим эту особенность на примере хорошо известного и довольно подробно исследованного в отечественной медиевистике сюжета о сборе дани у древлян князем Игорем. Этот «полный умолчаний и недоговорок» [9, с. 72], по справедливому выражению П.С. Стефановича, летописный рассказ «представляет собой лишь некую обобщенную картину с сюжетными ходами и персонажами, реальными только частично, но во многом условными» [9, с. 57]. Как художественный нарратив, рассказ носит девиантный характер, но не может толковаться как один из типичных «девиантных» текстов. Перед нами — текст-загадка, обманывающий своими сюжетными ходами и уводящий в многослойную герменевтическую ситуацию, во многом провоцируемую репликами персонажей и заставляющую даже явные сюжетные элементы анализировать с разных позиций.

Рассмотрим для начала рассказ о сборе дани у древлян князем Игорем в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку, поставив во главу специфику двух основных сюжетных линий — князя Игоря и древлян.

Сюжетная линия князя Игоря. Исходная ситуация, предшествующая развитию действия, идиллическая: князь Игорь, заключив новый, выгодный для Руси договор с греками, «нача княжити въ Киевъ миръ имѣя

ко всѣмъ странамъ» [19, стб. 54]. «Девиантогенным фактором» (термин Я.И. Гилинского [2, с. 193]), разрушающим видимое благополучие, становится желание князя нарушить договорные условия и собрать бóльшую, чем было установлено, дань с древлян: «нача мыслити на Деревляны хотя примыслити большую дань» [19, стб. 54]. Своеобразным триггер-мотивом, побуждающим к дальнейшим преступным действиям, является приведенная во фрагменте речь дружинников князя: «В се же лѣто рекоша дружина Игореви отроци Свѣнелъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты а мы назипоиди княже с нами в дань да и ты добудеши и мы...» [19, стб. 54]. Ответная реплика князя Игоря дружине не приводится, как известно, в летописном фрагменте, вместо нее, без каких-либо переходов и отступлений, читатель наблюдает мгновенное развитие криминального по сути сюжета: князь с дружиной отправляется за данью к древлянам и прибавляет к прежней новую, «насилаше имъ» [19, стб. 54]. Сбор дани превращается, по замечанию А.А. Шайкина, в «ограбление враждебного и побежденного народа» [15, с. 41]. Но не удовлетворяет ненасытную алчность князя, он отправляет дружину домой, а сам возвращается назад, «желая больша имѣнья» [19, стб. 54]. В результате древляне убивают князя Игоря.

С точки зрения поэтики, мы видим перекрестную композиционную компоновку ведущих мотивов, которые формируются благодаря «доминирующей лексике», выражающей «принципиально важные для семантики образа смыслы, повторяющиеся в речевой репрезентации» [14, с. 76] и в ходе повествования о событиях: мотив жадности, алчности, ненасытности — мотив насилия (при сборе большей, чем было установлено договором, дани) — мотив жадности (возвращение Игоря за дополнительными поборами) — мотив насилия (убийство князя). В сюжете реализуется характерная для «девиантных» текстов идея умножающегося зла: одно зло порождает другое и втягивает в свое пространство многих. На сюжетном уровне это выражается в следующем: изначально мысль о том, чтобы собрать бóльшую дань, рождается у князя Игоря, далее ему вторит дружина, совместно они творят «насилие», по сути — грабят древлян, а в конце совершается «насилие» уже над князем. Два элемента из трехкомпонентной сюжетной схемы здесь налицо, а третий — оценка — отсутствует. При этом именно коллективное волеизъявление дружины, выраженное репликой-призывом, обращенной к князю, приводит к тому, что изначально мысль князя полу-

чает воплощение в конкретных действиях. Реакция князя на коллективный прескриптивный речевой акт невербальная. Нечто подобное наблюдается и в эпизоде взаимодействия княгини Ольги с послами древлян: они тоже ничего не говорят в ответ на предложение утром потребовать нести их в ладьях, но их «последующие действия» «показывают, что они согласились на предложение кн. Ольги» [7, с. 128]. Действия князя Игоря в анализируемом фрагменте также свидетельствуют о том, что он «согласился» с предложением дружины.

Теперь рассмотрим *сюжетную линию древлян*. Исходная ситуация для них — это приход Игоря с дружиной и сбор бóльшей дани, чем было установлено договором. Ситуация отнюдь не идиллическая, ибо сбор дани сопровождался «насилием» по отношению к древлянам, но и не критическая: Игорь «возьмавъ дань поиде в градъ свои» [19, стб. 54]. Противоречие между желанием Игоря второй раз «походить» и еще собрать дань и восприятием этого поступка древлянами («аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ то выносить все стадо аще не оубьютъ его» [19, стб. 54–55]) становится в этой сюжетной линии тем «девиантогенным фактором», который обуславливает дальнейшее развитие событий. Игорь уподобляется «волку», через пословичное сопоставление подчеркивается его ненасытная жадность, а использованный прием параллелизма снимает возможность двусмысленности восприятия и толкования происходящего: «тако и се аще не убьемъ его то все ны погубить» [19, стб. 55]. Обращает на себя внимание и другой стилистический прием, выявляемый благодаря еще одному пласту «доминирующей лексики»: и Игорь, и древляне находятся в постоянных мыслительных процессах — Игорь «нача мыслити... хотя примыслити... размысливъ рече...», древляне «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ» [19, стб. 54]. Мысль-желание, мысль-хотение, размышление-толкование становятся причиной конкретных действий (в дальнейшем во многих летописных сюжетах эта связь будет подчеркиваться и обретет характер устойчивой стилистической формулы). Игорь в обоих случаях претворяет свои мысли-желания в конкретные действия, он идет и собирает сначала бóльшую дань, а потом возвращается, чтобы еще «походить». Древляне пытаются договориться с князем: «[и] послаша к ему глаголюще почто идеши опять поималъ еси всю дань» [19, стб. 55] — но безуспешно (Игорь их «не послуша» и продолжил свой путь). И только потом реализуют обдуманную на совете

с князем Малом поведенческую стратегию. Выход князя с малой дружиной из «града Изъкорѣстья» [19, стб. 55] и становится для древлян триггер-мотивом, сигналом к расправе с «волком», о чем сообщается без каких-либо подробностей в Повести временных лет в следующем же предложении. Как видно, и в сюжетной линии древлян реализуются только два компонента общей сюжетной схемы, характерной для «девиантных» текстов, и также отсутствует оценка. И точно так же, как в сюжетной линии князя Игоря, значимую роль здесь в формировании играет коллективный прескриптивный речевой акт с аналогичной невербальной реакцией-действием. Невербальный ответ получают древляне и на вполне конкретный вопрос к князю: «почто идеши опять» [19, стб. 54]. Но в этом случае его действия не являются выражением согласия, наоборот, ответный ход князя — это, скорее, открытое выражение недоумения по поводу поведения древлян.

В рассматриваемом эпизоде демонстрируют аномальное поведение и князь Игорь, и его дружина, и древляне. Князь, движимый алчностью и ненасытностью, нарушает договор, творит «насилие», по сути, занимается грабежом совместно со своими воинами; древляне же убивают и Игоря, и его малочисленную дружину. Агрессивно ведут себя все, только князь демонстрирует «злокачественную» агрессию, а древляне — «доброкачественную» агрессию, ибо, как писал Э. Фромм, «люди в жизни спасаются от угрозы либо борьбой, либо бегством...» [13, с. 234–235]. Убийство Игоря с дружиной в этом смысле и есть в понимании древлян средство избавления от гибели. Более того, в последующем повествовании о мести княгини Ольги летописец приводит речь послов, в которой содержатся и прямые обвинения Игоря в грабеже, о чем писал, в частности, П.С. Стефанович [9, с. 59], и столь же непосредственная оценка действий древлянских князей как спасительных: «сице мужа твоего оубихомъ бяше бо мужъ твои аки волкъ восхища и грабя а наши князи добри суть иже распали суть Деревьску землю» [19, стб. 56]. Их речь — и оправдание совершенных преступных действий, и осуждение не услышавшего их князя, и выражение гордости своим поступком.

Детально разбирая историческую специфику этого сюжета о сборе дани, П.С. Стефанович отмечал, что князь, собираясь возвращаться к древлянам, «явно не ожидал противодействия своим планам» [9, с. 59] (отчасти, возможно, поэтому ответом на вполне конкретный вопрос древлян была

столь же конкретная невербальная реакция), он «делал нечто, что считал справедливым» [9, с. 59], а именно собирал дань. Но в то же время его «поход представлял собой не только сбор дани, но и “хождение” по населенным пунктам со взиманием всякого рода “корма”. В таком виде его можно было назвать полюдьем, хотя сам по себе обычай полюдьа, — пишет исследователь, — восходит, видимо, к более древним временам, не подразумевая сбора обязательной дани, а предполагая лишь некие добровольные приношения и угощения» [9, с. 73]. И далее П.С. Стефанович замечает: «Из сопоставления летописного рассказа с другими (более поздними) данными следует, что надо различать определенный обязательный налог (всегда в виде материальных или денежных ценностей) и некие поборы добровольного характера (в основном натуралии для прокормления). Одно могло называться данью (в этом случае слово “дань” имело узкий смысл), а другое было полюдьем в собственном смысле слова. Но “технически” и сбор налога, и прокормления совмещались (если не всегда, то часто). Все совокупные доходы могли называться тем же словом “дань” (выступавшим уже в широком смысле), а поездку за сбором этих доходов могли называть “ходить в дань” или “ходить в полюдье”. Важно отметить всеобщее распространение практики сбора дани и взимания даров/прокормления в рамках одного “объезда” подчиненной территории. Упоминания полюдьа и дани происходят из разных регионов Древнерусского государства (или государств — его преемников). Речь идет об одном принципе обложения налогом и его сбора, то есть об одном механизме “трибутарного” господства, который использовался при установлении власти руси» [9, с. 73–74].

Исходя из особенностей налоговой системы данного исторического периода, сбор дани князем Игорем не может восприниматься как типичное девиантное поведение, это было нормой, и потому его поход, по мнению П.С. Стефановича, «оправдывался в глазах летописца и <...> в глазах самих древлян» [9, с. 72–73]. Проведенная исследователем реконструкция порядка налогообложения во многом объясняет, почему Игорь считал себя вправе «походить» по тем местам, где не был в первый приход, и почему он «не внял угрозе древлян, которые <...> недвусмысленно дали ему понять, что сбор дани окончен» [9, с. 59]. Однако его возвращение после сбора основной, да еще и бóльшей по размеру дани не имеет уже объективного, «юридического» оправдания для древлян (отсюда — и конкретика вопро-

са, обращенного к князю) и переносится в область субъективную и прогностическую. Древляне, не сумев словесно остановить Игоря, убивают князя, «решив, что он — волк, повадившийся в стадо, и что, если с ним не расправиться, он всех их “погубит”» [9, с. 59].

Налицо конфликт восприятия происходящего. И с этой точки зрения поведение и князя, и древлян не может оцениваться однозначно как положительное или как отрицательное. Для древлян Игорь — волк, занимающийся грабежом; его необходимо остановить, пусть и путем убийства, потому что от этого зависит вопрос выживаемости племени. Не случайно в этой связи и сравнение с волком¹, которое традиционно, среди многих интерпретаций, использовалось в литературе Древней Руси не только для обозначения врага (см., например: [10]), но и для обозначения разбойников (см.: [1, с. 74]). Для Игоря древляне, отказывающие ему в законном праве сбора дани, ведут себя аномально. С позиции же летописца, представителя христианской культуры, руководствующегося в нравственной оценке исторических лиц и событий Декалогом, поведение и князя Игоря, и древлян девиантно, ибо и сребролюбие, и алчность, и жадность, и насилие, и убийство свидетельствуют о нарушении важнейших нравственных заповедей. Но поскольку речь идет о языческом периоде истории Руси, то летописец сознательно воздерживается от прямых оценок, которые щедро используются в повествованиях о преступлениях князей-христиан, отдавая предпочтение «скрытым отрицательным характеристикам» и прибегая к «подразумеваемой» манере повествования, убедительно продемонстрированной в работе А.С. Демина [4, с. 554].

Если проследить, не претендуя на полноту освещения вопроса, дальнейшую судьбу сюжета о сборе дани у древлян князем Игорем, то будет видно, что в различных летописных сводах книжников интересовала эта история с разных позиций.

Так, составитель Львовской летописи дословно воспроизводит рассказ Повести временных лет, сохраняя все особенности повествования и художественные находки предшественника [20, с. 55]. В Устюжской летописи в списке Л.С. Мациевича рассказ также на первый взгляд почти полностью повторяет сюжет из Повести временных лет, но это только кажущееся

1 О широком круге значений символики волка в народной культуре см.: [3, с. 122–159].

сходство. Здесь нет идиллического описания исходной ситуации даже в сюжетной линии князя Игоря. Расширение контекста через обращение к двум предыдущим летописным записям свидетельствует о постепенно назревавшем конфликте бояр князя Игоря с воеводой Свенельдом. В статье под 6420 (912) г. содержится упоминание о том, что дань с древлян собирал не князь, а воевода: «И дасть дань деръвенскую Свиньделу воеводе. И начат же Свиньделу имать по черной кунице» [18, с. 19]. Это вызывает недовольство у бояр: «И реша боляре Игореве: “Се дань еси одному человеку многу”» [18, с. 19]. В следующей погодной записи за 6448 (940) г. говорится о взятии града Пресечен, дань с которого также была отдана «Свинделу ж» [18, с. 19]. И, наконец, статья под 6453 (945) г. начинается с речи бояр: «Рекоса боляре Игореве» [18, с. 19], — которыми движет желание иметь то же, что есть у воинов Свенельда, и они соблазняют Игоря: «и ты и мы дабудем» [18, с. 19]. «Девиантогенным фактором» здесь становится не личное желание князя Игоря собрать большую дань, а классическое «*противоречие* (“напряжение”, *strain*) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества...» [2, с. 193], в данном случае между потребностями бояр и реальной невозможностью их удовлетворить («мы же нази и не конни, и не оружны» [18, с. 19]), поскольку вся дань принадлежала воеводе. Смещение акцентов в Устюжской летописи в списке Л.С. Мациевича, а также в Архангелогородском летописце [18, с. 58] не разрушает тем не менее заданный в Повести временных лет принцип рассказывания о «девиантном» событии, потому что изложенное далее в целом соответствует изначальному тексту и наблюдаются лишь незначительные текстологические расхождения. Во всех этих случаях сохраняется и выбранный еще в Повести временных лет принцип построения рассказа о событии: те или иные реплики персонажей образуют сюжет через невербальную реакцию персонажей, к которым они обращены.

Это становится особенно заметно на фоне того, как представлен рассказ об этом эпизоде русской истории в других летописных сводах. Например, в Вологодской летописи в погодной записи под 6454 (946) г. максимально кратко сообщается: «Древляне Игоря убиша у Коростеня града» [18, с. 161]. О сборе дани — ни слова! В Рогожском летописце в погодной записи за 6453 (945) г. сохраняются обе сюжетные линии: «Въ лѣто 6453

иде Игорь въ Древяны и приложи на нихъ къ дани дань, и оубиша и...» [21, стб. 14]. Как видно из приведенных примеров, в Вологодской летописи и в Рогожском летописце книжниками была воспринята исключительно сама «девиантная» тема убийства. Исчезновение речевых актов, а также иных исторических и изобразительно-выразительных подробностей приводит к тому, что мы имеем дело уже не с сюжетом, а с обычной погодной записью, «внешним признаком» которой является «предельная краткость изложения» [5, с. 52]. Фокус внимания сосредоточен здесь на важном, интересном документальном факте, а не на рассказывании о событии.

Фантастическую трансформацию претерпевает этот сюжет в «Степенной книге». Рассказ имеет заголовок «О убиеніи Игоревѣ от древлян» [17, с. 9], что свидетельствует о приоритетности мотива убийства. Повествование о событии здесь лишь отдаленно напоминает текст Повести временных лет. В силу краткости и важности приведу этот текст полностью: «Иногда же шедшу ему, въ древяны, и усугуби на нихъ дань, и еже взя, посла въ Кіувъ съ людьми своими, а самъ оста не со множествомъ людій. Древяне же со Княземъ своимъ, ему же имя Маль, злое умысливше глаголаху къ себѣ: “сей есть наслѣдникъ, приидите убіемъ его, и супружницу его Ольгу премудрую возьмемъ за нашего Князя, и сыну его сотворимъ яко же хотимъ, и сами свободни отъ дани будемъ, и наше будетъ достояніе”: и убиша его внѣ града Коростеня, идѣже и погребоша его» [17, с. 9].

В сравнении с текстом в Повести временных лет здесь отсутствуют и размышления князя Игоря о желании большей дани, и коллективная речь дружины, и упоминание о том, что Игорь повторно отправился собирать дань. Изменен и текст коллективной прескриптивной речи древлян. Если в Повести временных лет речи персонажей вызывали согласное с ними определенное аномальное поведение и вкуче отражали «короткий жизненный проект» — сбор большей дани, убийство князя, то в «Степенной книге» речь древлян, построенная на знании последующих исторических событий, занимая основной объем текста и замещая собой все иные сюжетные повороты, представляет относительно «длинный жизненный проект», целью которого является полная свобода, пусть и добытая путем многократного насилия (подробнее о терминах «короткий жизненный проект», «длинный жизненный проект» см.: [6]).

Здесь мы видим все три основных компонента характерной для «девиантных» текстов сюжетной схемы: есть и описание исходной ситуации, и рассказ о событии, и оценка («злое умысливше» [17, с. 9]), а также умелое использование составителем «Степенной книги» речи древлян в роли сюжетобразующего приема, определяющего дальнейшее развитие событий. Но в данном рассказе, в отличие от исходного текста, исчезает самая возможность различных трактовок изложенного в силу «зломысленной» конкретики перспективного плана действий древлян, теряется элемент недоговоренности и в определенном смысле снимается с князя Игоря доминантная в Повести временных лет характеристика его как человека алчного и жадного. На первый план выходит преступный замысел древлян и совершенное ими убийство князя, не случайно и сама статья, посвященная этому событию, имеет соответствующее название.

Перед нами предстает, по сути, типичный «девиантный» текст, из которого была изъята многослойность исходной герменевтической ситуации, но в котором был сохранен характерный для повествований о конфликте восприятия сюжетобразующий прием при абсолютном отказе от изображения самого этого конфликта. Рассказ о сборе дани у древлян князем Игорем превратился в «Степенной книге» в рассказ о его убийстве; убийство с целью защиты племени («короткий жизненный проект», обусловленный определенными обстоятельствами) трансформировалось в убийство с целью получения абсолютной свободы (сравнительно «длинный жизненный проект»).

Краткий обзор судьбы сюжета о сборе дани у древлян князем Игорем, таким образом, свидетельствует о том, что прямая речь в летописном тексте является не только «одним из средств создания образа персонажа», но и важнейшим сюжетобразующим приемом, во многом отражающим «идеологию автора (или редактора) текста» [8, с. 124] как в сюжетах, в основе которых лежит конфликт восприятия ситуаций и/или действий, так и в криминальных сюжетах. Анализ трансформации сюжета в «Степенной книге» показал, что с течением времени исходно герменевтическое повествование упрощается до обычного криминального сюжета, каковых немало было в русской истории, и в этом упрощении и сюжетной трансформации не последнюю роль играют коллективные прескриптивные речевые акты с типичной последующей невербальной реакцией персонажей.

В целом, подытоживая изложенное, необходимо отметить: представленный в Повести временных лет сюжет о сборе дани у древлян князем Игорем демонстрирует своеобразную творческую мастерскую, когда вырабатывались и первые приемы описания «злокачественной» и «доброкачественной» агрессии, и первые приемы изображения средневековых «девиантов» (через прямую речь, сравнения с животными, параллелизм, через лаконичный рассказ о действиях, тесно связанных с мыслью, через едва просматриваемый, но характерный в дальнейшем мотив личного желания), и приемы воплощения важнейшей для «девиантных» текстов идеи умножающегося зла, и вводились в повествование девиантогенные факторы и триггер-мотивы, и оттачивалось искусство использования приема умолчания. Огромную роль в формировании таких сюжетов играют речи персонажей, в большинстве случаев представляющие собой коллективные прескриптивные речевые акты с типичной невербальной реакцией персонажей, к которым они были адресованы, и перлокутивным эффектом, находящим выражение в реализации конкретными действиями словесных призывов. Вместе с тем в тексте используется и иной тип выказывания — конкретный вопрос, оставленный без словесного объяснения, но сопровождаемый также невербальной реакцией-действием, вопрос, который носит риторический характер и свидетельствует о взаимном непонимании участниками события поведения друг друга и конфликте восприятия конкретной ситуации. При этом важно еще раз подчеркнуть, что и коллективные прескриптивные речевые акты, и адресно заданный вопрос являются важнейшими сюжетобразующими элементами, благодаря которым отчасти и рождается особый вид средневековой художественности в историческом повествовании.

Список литературы

Исследования

- 1 Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 318 с.
- 2 Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр., доп. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2013. 650 с.
- 3 Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.

- 4 *Демин А.С.* «Подразумевающее» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2005. Сб. 12 / отв. ред. Д.С. Менделеева. С. 519–579.
- 5 *Еремин И.П.* Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 208 с.
- 6 *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты как основа анонии в современном обществе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 6. С. 69–77.
- 7 *Савельев В.С.* Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 1) // Филология и человек. 2018. № 2. С. 123–141.
- 8 *Савельев В.С.* Умение слушать как необходимая черта языковой личности в восприятии автора Повести временных лет // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 2. С. 124–134.
- 9 *Стефанович П.С.* Древлянская дань киевским князьям // По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. М.: Индрик, 2014. С. 19–74.
- 10 *Сторожева А.А.* Образ волка в степной анималистике Древней Руси: семантика и поэтика // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 84–92. DOI: 10.37724/RSU.2023.80.3.008
- 11 *Туфанова О.А.* «Девiantiный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302>
- 12 *Туфанова О.А.* О художественной специфике бессюжетных «девиантиных» текстов в летописях // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 4. С. 160–181. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181>
- 13 *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2015. 618 с.
- 14 *Чернухина И.Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 115 с.
- 15 *Шайкин А.А.* «Се повеѣсти времянных лѣтъ...». От Кия до Мономаха. М.: Современник, 1989. 253 с.
- 16 *Шлейникова Е.Е.* Речь персонажей // Новый филологический вестник. 2011. № 2 (17). С. 135–139.

Источники

- 17 Книга степенная царскаго родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, / Сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария; А напечатанная под смотрением коллежскаго советника, и Императорской Академии наук,

- також и разных иностранных академий, и Вольного экономического и Российского Вольного же собрания члена Герарда Фридерика Миллера. М.: При Императорском университете, 1775. Ч. 1. 1775. [2], VIII, 580 с.
- 18 Полное собрание русских летописей / АН СССР, Ин-т истории СССР. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. 228 с.
- 19 Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археологической комиссией Академии наук СССР. 2-е изд. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. 151 с., 286 стб.
- 20 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссией. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 20: Львовская летопись. Ч. 1: Первая половина. IV, 418 с.
- 21 Рогожский летописец, Тверской сборник / Полное собрание русских летописей. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).

References

- 1 Belova, O.V. *Slavianskii bestiarii. Slovar' nazvanii i simvoliki* [*Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols*]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 318 p. (In Russ.)
- 2 Gilinskii, Ia. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [*Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"*]. 3rd ed., corr. and enl. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013. 650 p. (In Russ.)
- 3 Gura, A.V. *Simvolika zivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [*Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition*]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 910 p. (In Russ.)
- 4 Demin, A.S. "Podrazumevatel'noe' povestvovanie v 'Povesti vremennykh let'." ["'Implied' Narration in 'The Tale of Bygone Years'."] *Germenevika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 12, ex. ed. D.S. Mendeleeva. Moscow, Znak Publ., 2005, pp. 519–579. (In Russ.)
- 5 Eremin, I.P. *Lektsii po drevnei russkoi literature* [*Lectures on Old Russian Literature*]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1968. 208 p. (In Russ.)
- 6 Krivosheev, V.V. "Korotkie zhiznennye proekty kak osnova anomii v sovremennom obshchestve" ["Short Life Projects as the Basis of Anomie in Modern Society"]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, issue 6, 2009, pp. 69–77. (In Russ.)
- 7 Savel'ev, V.S. "Letopisnyi zhenskii rechevoi portret (na materiale 'Povesti vremennykh let') (stat'ia 1)" ["Chronicle Female Speech Portrait (Based on 'The Tale of Bygone Years') (Article 1)"]. *Filologiya i chelovek*, no. 2, 2018, pp. 123–141. (In Russ.)
- 8 Savel'ev, V.S. "Umenie slushat' kak neobkhodimaia cherta iazykovoi lichnosti v vospriiatii avtora Povesti vremennykh let" ["The Ability to Listen as a Necessary Feature of the Linguistic Personality in the Perception of the Author of The Tale of Bygone Years"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 2, 2009, pp. 124–134. (In Russ.)
- 9 Stefanovich, P.S. "Drevlianskaia dan' kievskim kniaz'iam" ["The Drevlyan Tribute to the Kyiv Princes"]. *Po liubvi, v pravdu, bezo vsiakiie khitrosti. Druz'ia i kollegi k 80-letiiu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Sbornik statei* [*Out of Love, in Truth, Without Any Cunning. Friends and Colleagues on the 80th Anniversary of Vladimir Andreevich Kuchkin: Collection of Articles*]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 19–74. (In Russ.)
- 10 Storozheva, A.A. "Obraz volka v stepnoi animalistike Drevnei Rusi: semantika i poetika" ["The Image of the Wolf in the Steppe Animalistics of Old Rus: Semantics and Poetics"]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, no. 3 (80), 2023, pp. 84–92. DOI: 10.37724/RSU.2023.80.3.008 (In Russ.)
- 11 Tufanova, O.A. "Deviantnyi' tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problem" ["'Deviant' Text in the Historical Narration of Old Russia: To the Problem Statement"]. *Germenevika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ.,

2024, pp. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302>
(In Russ.)

- 12 Tufanova, O.A. “O khudozhestvennoi spetsifike bessiuzhetnykh ‘deviantnykh’ tekstov v letopisiakh” [“On Specific Aesthetic Features of the Plotless ‘Deviant’ Texts in Chronicles”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 160–181. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181> (In Russ.)
- 13 Fromm, E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [*Anatomy of Human Destructiveness*], trans. from German by E.M. Teliatnikova. Moscow, AST Publ., 2015. 618 p. (In Russ.)
- 14 Chernukhina, I.Ia. *Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta* [*Elements of the Organization of the Fictional Prose Text*]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1984. 115 p. (In Russ.)
- 15 Shaikin, A.A. “Se povnsti vremian’nykh lbt”...”. *Ot Kiia do Monomakha* [“These Are the Tales of Time...”]. *From Kiy to Monomakh*. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 253 p. (In Russ.)
- 16 Shleinikova, E.E. “Rech’ personazhei” [“Speech of Characters”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (17), 2011, pp. 135–139. (In Russ.)